Для цитирования: Погорельская Е. Ю. Техника на пути к собственной свободе // Социум и власть. 2018. № 6 (74). С. 7—15.

УДК 001.1

ТЕХНИКА НА ПУТИ К СОБСТВЕННОЙ СВОБОДЕ

Погорельская Елена Юрьевна,
Гуманитарный университет,
факультет социальной психологии,
доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, кандидат философских наук.
Российская Федерация,
620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, д. 19.
E-mail: schreibigus@mail.ru

Аннотация

Введение. Технические предметы возникают вместе с человеческим родом, но время, когда «техническое» стало онтологическим, человечество переживает сейчас. Необходимость осмысления техники, ее природы и сущности, вызвана прежде всего кризисом современной техногенной цивилизации. Многообразие экологических проблем и милитаристских угроз отражает непонимание человеком природы «технического» и характера связи человека и техники.

Цель. Показать истоки и перспективы развития современной технической цивилизации.

Методы. Работа предполагает обращение к исторической ретроспективе развития экспериментальной науки, которая с необходимостью требовала использование инструментов и приборов для изучения мира. Работа отличается многообразием культурно-исторического материала (литература, кино) и фактов истории европейской науки. Используются герменевтические и феноменологические методы.

Научная новизна. Новизна работы связана с постановкой вопроса об онтологическом статусе техники, о новом диалоге техники и человека.

Ключевые понятия:
техника,
эксперимент,
история науки,
техногенная цивилизация,
научные открытия.

Введение

На рубеже XVI—XVII вв. берет свой исток глобальное социальное явление, которое впоследствии назовут «научной революцией». Зародившись как интерес немногих избранных интеллектуалов, научная революция переросла в научно-техническую парадигму, длящуюся и сейчас. За последние 400 лет сформировалась особое новое «чувство истины», о котором Ницше скажет: «Мне по душе всякий скепсис, на который мне дозволено ответить: “Попробуем это!” Но я не могу уже ничего слышать о всех вещах и вопросах, не допускающих эксперимента. Ибо там храбрость утрачивает свои права» [16, с. 547]. Эта храбрость поставила под сомнение авторитеты античности, взяла уверенный курс на открытие новых земель, но всегда при этом в уме удерживала ценность пользы. Совершенно очевидно, что новая наука основана на новом типе взаимодействия с эмпирической реальностью — она берет себе в помощники для освоения действительности технику.

* * *

В сказке Андерсена «Свинопас» принц приносит в дар избраннице самое, на его взгляд, ценное: цветущую розу и живого поющего соловья. Цивилизованная принцесса не принимает подарка, считая его слишком естественным. Тогда влюбленный принц притворяется свинопасом. Он пасет свиней, а в свободное от работы время мастерит для принцессы то, что она только и может оценить: горшочек, который умеет варить сам и волшебную трещотку, провоцирующую на танец любого. Очарованная подарками принцесса сдается, и, теряя свое величественное достоинство, целуется со свинопасом в окружении служанок. Сказка напрямую предупреждает о перспективах: даже на уровне правителей люди отдаются во власть технических средств, заменяя красоту и естественность на технические трещотки.

Другая история повествует о том, как девушка просит любящего отца отыскать ей Аленький цветочек — диковинку, которой нет. Отец находит заветное. Но Аленький цветочек не прост — он может быть отдан Чудищем только за настоящее искреннее чувство. Чудище-отшельник, забитый своей безысходностью, понимает, *что* именно является средством преобразования мира: все можно исправить, даже невыносимое уродство.

В этих сказках мы видим два способа влияния на человека и, соответственно, два

пути преобразования мира. Если посмотреть на развитие общемировой цивилизации, то очевидно прослеживается выбор принцесс.

* * *

В мировоззренческом меморандуме «Новый органон» Ф. Бэкон настаивал, что наука должна приносить пользу [5]. Это было принципиально новым аргументом научности, поскольку до этого много веков, со времен античности, целью научного знания ставилась чистая истина, а не польза от неё. Для науки ориентироваться на использование вещей, а не на их понимание было принципиально новым. «Управляли вещами» ремесленники, а ремесленное знание по статусу было гораздо ниже научного, философского, которое занималось поиском оснований вещей, их причин. Но это умозрительное знание, эстетическое по своей природе, кроме осознания красоты и гармонии мира ничего не давало; по крайней мере, не давало решения практических вопросов, которые являлись насущными для большинства. Например, такими вопросами всегда были вопросы здоровья человека. Медицина очень близка к жизни, и здесь «одной теорией не обойдешься». Недаром многие медики того времени были алхимиками, носителями знания, в котором символический аспект тесно переплетается с эмпирическим, опытным. Лечение всегда ориентируется на результат, и именно он является незыблемым аргументом в пользу правомерности теории. К примеру, Парацельс в XVI в. доказывает, насколько важно внедрение в процесс лечения новых, в том числе неорганических, веществ. Парацельс говорил, что, раз появились новые болезни — он имел ввиду сифилис, завезенный из Америки, необходимы и новые методы лечения. Конечно, это шло вразрез университетскому знанию, но зато имело реальный утилитарный успех. Ф. Бэкон также настаивает, что новая философия направлена на улучшение судеб всего человечества.

Принципиальная прагматичность новой науки во многом была связана с изменением основной ценностной ориентацией западной цивилизации — желания счастья не за облаками, а тут, сейчас, немедленно. В это время происходит религиозная Реформация, которая ставит под вопрос догмат о необходимости посредничества церкви в общении человека и Бога, и человек, как следствие, начинает теряться в определении цели и смысла своей жизни. Не имея трансцендентного ориентира, он выбирает ориентир материально осязаемый — достаток, здоровье, общую удовлетворенность жизнью. М. Вебер напрямую связывает развитие капиталистического производства со становлением протестантизма [6]. Наука как часть целостной культуры западного мира с необходимостью «отразила в себе» все её мировоззренческие изменения, добавив во «внутреннем диалоге *с целым* западного мира» еще и свои.

Во-первых, была поставлена под вопрос реальность непосредственного присутствия Бога в материальном мире. Бог в отношении материи стал композитором и дирижером к прекрасно написанной партитуре. В античности материю воспринимали как источник небытия, то, на что нельзя опереться, о чём нельзя составить компетентное суждение. У Р. Декарта, когда материя получила статус субстанции, а следовательно, самодостаточного начала, она стала рассматриваться как нечто незыблемое, связанное определенностью законов, надежное, созданное «великим ремесленником, мастером», Богом, который не обманывает [12]. Следовательно, законы материальной природы вечны. Человек — лучшее, что создал Бог, и поэтому мир создан для него. Ф. Бэкон прямо говорит, что к природе надо относиться как к мастерской. Мир недоделан, человеку впору его достраивать, было бы желание. Творческие потенции человека направлены на изменение и улучшение мира, всё в его силах и власти, поэтому не стоит ждать милости от природы, а следует подойти к ней по-хозяйски, рачительно, как садовник подходит к обработке своего сада, тогда будет урожай.

Во-вторых, Новое время «стоит на плечах» великих географических открытий. Мир обрёл новые границы. Но главное, что поменялось, — само представление о познании. Античность стремилась объяснить мир, сводя существующие явления к действию определенных причин метафизического плана. Например, у Пифагора это был мир чисел, у Платона — мир идей, у Аристотеля — мир четырех причин. Так или иначе, за видимым миром вещей скрывается мир бытия, или мир, в котором поддерживаются возможности причин каждой вещи и события, и усмотрение (видение) сущности этого трансцендентного мира является базовым в понимание всего остального. Усматривали причины вещей философы, а философское знание считалось знанием теоретическим. «Предметами теоретических наук считались объекты, возникновение, способ существования и изменения которых не зависят от чьего-либо произвола… Недоступность этих объектов произвольным изменениям, а также сознательным воздержанием от

них объяснялось и то, почему единственно возможный способ поведения с ними (например, с космосом) — это созерцание или теория» [4, с. 97—98]. На пороге Нового времени стала стремительно меняться сама картина эмпирической реальности, которая оказалась просто несоизмеримо шире, чем тот мир, который был известен античным философам. Например, как объяснить существование аборигенов Америки, которые не знают Святого Писания? И как можно понять цивилизации, находившиеся за пределами христианского мира? Это принципиальное экстенсивное расширение мира в результате географических открытий с необходимостью требовало осмысления новых вещей и явлений, с которыми сталкивались первооткрыватели. Мир рос на глазах, и новое знание надо было как-то инвентаризировать, классифицировать, понимать. Поэтому «открытие» стало представлять собой принципиальную новизну опыта, который не укладывался в знакомые тогда схемы. Открытие новых территорий и культур показало ограниченность античного представления о мире и требовало пересмотреть гносеологический инструментарий для получения знания, а если сказать проще — потребовались новые методы для осмысления действительности. Так появился эксперимент.

Особенность эксперимента в том, что объект ставится в искусственные контролируемые условия. Раньше искусственные условия не применялась для изучения объектов. Но после глобальной географической экспансии, которая охватила весь Западный мир, возникновение искусственных условий стало нормой для сохранения и изучений диковинок, с которыми столкнулись в результате своих походов и мореплаватели, и миссионеры, и просто торговцы. Необходимо было понять, что за диковинные растения и животные привозили исследователи новых земель с экспедиций, и для этого стали делаться простые ботанические сады во Франции и Англии. Конечно, ботанический сад, как и лаборатория, как и музей — искусственное образование, пространство для изучения новых предметов, но это и особое «временное хранение» экспоната в лабораторных условиях. Необходимо ведь было сохранить «достопримечательность», чтобы она была живой (ботанический сад, зоопарк, аквариум), или, по крайней мере, просто сохранить предмет (музей, лаборатория) для изучения. Искусственные условия были специфическим буфером для хранения, «отстойником». Как оказалось, искусственные условия способны сохранить основные свойства исследуемого предмета. Кроме того, Ф. Бэкон, основной глашатай новой философии естествознания, считал, что в таких условиях природа взаимодействует сама с собой — *выживает*, и тем самым показывает свои скрытые качества. Экспериментальный метод на самом деле давал некоторое расширение в познании природы. Ведь природа, вопреки мнению Ф. Бэкона, «вырывалась» из привычных ей рамок и на самом деле показывала *какие-то новые* качества, поскольку ей приходилось существовать в экстраординарных ситуациях, а не когда все спокойно и природные процессы идут своим чередом. На смену естественному наблюдению природных явлений приходят лаборатории, в которых главным подручным исследователю становится *прибор.* «В знаменитой «Микрографии» Р. Гук замечает, что, «присоединяя искусственные органы к естественным», мы развиваем оперативное и механическое познание, с помощью которого «мы оказываемся в состоянии раскрыть все тайны природы почти тем же путем, каким следуем в техническом производстве, пользуясь колесами, инструментами и пружинами, измышленными человеческим хитроумием» [1, с. 102].

Одним из таких научных экспериментов является эксперимент Блеза Паскаля, который отправил в 1648 г. своего родственника Флорена Перье на гору Пюи-де-Дом с целью подтвердить вес атмосферного воздуха. Долгое время считалось, что воздух ничего не весит, но в 1648 году Паскаль это опроверг. Сам Паскаль подняться на эту гору не мог по болезни, но его предположения и прибор, созданный для этой цели, позволяли проверить гипотезу о наличии у воздуха веса или давления. Ртутный барометр придумал Е. Торричелли, ученик Галилея в 1640-х гг., и Паскаль воспользовался этим новым прибором. Обращаю внимание, что так просто определить наличие веса у воздуха было невозможно, следовательно, требовался *особый прибор, искусственное образование, помощник*, который бы позволил это определить. «Паскаль опубликовал подробный отчет об эксперименте, а вскоре вышел исчерпывающий отчет Перье с предисловием и комментариями Паскаля. Перье подробно рассказал и о своем восхождении на гору, и о спуске с горы, перечел по иенам всех своих спутников и всякий раз отмечал высоту ртутного столба, засеченную на каждом привале долгого и утомительного пути. В конце своего повествования, уже без всяких сомнений заявив, что ртутный столб в колбе поднимался тем выше, чем дальше они ушли в сторону вершины, Перье

передал слово Паскалю, который и превратил его речевое свидетельство в обоснование универсальной философской истины» [11, с. 232]. Впоследствии Паскаль повторит этот эксперимент с барометром, но заносить прибор уже будут на колокольню в Париже. Тоже не совсем естественное условие для получения нового знания. Эксперименты сопровождаются *приборами* практически всегда. Это одно из важнейших обстоятельств любого эксперимента. *Прибор является как бы другом-соучастником в познании природы*. Ясно, что прибор — техническое средство. Техника сразу воспринималась человеком как друг, как то, что усиливает человеческие возможности: позволяет видеть там, где не видно, слышать там, где не слышно, словом, — осуществлять контроль там, где человек уже не в состоянии это сделать сам. Обращаем внимание на то, что все эксперименты, предполагающие приборы, так или иначе апеллируют к числовым соотношениям, существующим в природе. Прибор замеряет прежде всего числовые соотношения. Впоследствии эксперименты по установлению атмосферного давления были продолжены в 1662 г. Робертом Бойлем, английским естествоиспытателем, который для этого также сооружает свой прибор в виде банки, из которой насосом откачивают воздух до того момента, пока это возможно. В результате прибор показывал наличие в банке искусственного вакуума и, поскольку внутри банки был барометр, отсутствие давления воздуха. Бойль отказывался говорить о причинах природных явлений, которые он сам в результате экспериментов обнаруживал, занимая принципиальную позицию свидетеля, который фиксирует регулярности в природе количественно, отказываясь от философских интерпретаций. *Исследователь брал на себя образ машины — объективной*, определенной в фиксации числовых соотношений, отказывающейся находить конечные причины природных явлений. Так же и Галилей, подводя своих слушателей-зрителей к телескопу и показывая спутники Юпитера, тоже лишь *свидетельствовал* наличие таковых. Все экспериментаторы, прибегавшие к использованию приборов в эксперименте, с необходимостью сталкивались с одним и тем же парадоксом: да, прибор подтверждает определенную гипотезу, да, он свидетельствует о некоторым наличии факта, но не обманывает ли нас прибор? Многие, смотревшие в телескоп Галилея, отходили, крестясь, оставаясь верными своим воззрениям. Настолько ли можно верить машине? Один из учеников Кеплера, смотревший в телескоп Галилея, так написал об этом событии: «Я так и не заснул 24 и 25 апреля, но проверил инструмент Галилео тысячью разных способов и на земных предметах, и на небесных телах. При направлении на земные предметы он работает превосходно, при направлении на небесные тела обманывает: некоторые неподвижные звезды (была упомянута, например, Спика Девы) кажутся двойными. Это могут засвидетельствовать самые выдающиеся люди и благородные ученые... все они подтвердили, что инструмент обманывает... Галилео больше нечего было сказать, и ранним утром 26-го он, печальный, уехал... даже не поблагодарив Маджини за его роскошное угощение...» [18, с. 265]. Вопрос, насколько техника дает нам возможность увидеть объективную картину, а не снабжает новыми иллюзиями, остается открытым и по сей день. Безусловно то, что многое сейчас находится под контролем технических средств. Но насколько мир, который нам дается через машинную искусственную оптику, адекватен реальному положению вещей. Мы можем сказать, что неадекватность приборов XVII в. просто свидетельствует об их техническом несовершенстве, но где придел совершенства, если техника оперирует в основным количественными показателями, а у количества как такового нет остановки. Абсурд «дурной бесконечности» простого наращивания количества убедительно доказал Г. Гегель [9]. Как выйти к качеству, которое и дает полноценное свидетельство о совершенстве, если наука со времен Декарта отказалась от категории качества как ценности? А «качество» бьется в научную лодку вопросом о реальности всего того знания, которое поставляет наука без устали и без размера. Фраза Лоуренса Джозефа Хендерсона: «Наука больше обязана паровой машине, чем паровая машина науке» — является провокационной. В ней ставится вопрос, что первично, наука или техника, и что на самом деле является двигателем научно-технического прогресса? Однако если обратиться к истории, мы увидим, что многие технические приспособления, например водяные мельницы, совершенствовались очень медленно, порядка тысячи лет. И реальный технический прорыв в использовании водяных колес возник тогда, когда возникла уверенность, что, используя новый научный метод — эксперимент, можно добиться реальных успехов в достаточно короткое время.

Именно наука шла рука об руку с техникой, именно она обосновывала целесообразность техники, и сделала ее своей сестрой и помощницей. Именно наука при-

вела технику в мир в той мере, которую мы имеем сейчас: техника присутствует тотально. Мы вправе задать вопрос о том, что это за мир под вуалью технических конструкций: уж если скрывать, то что?

Основной тип мировоззрения, господствующий в это время, — механистический. Мир воспринимается как машина, как механические часы, состоящие из множества элементов, связанных между собой универсальными связями, законами природы. Всякий инструмент — это такая же часть общей машины мира, только создана эта часть руками человека, а не Бога. Изучая при помощи инструментов машину природы, открывая в ней новые законы, мы получаем возможность усовершенствования своих приборов, поскольку они имеют с машиной мира равную онтологию. Все есть машина: и животные, и человеческие тела. А что такое смерть? Да это просто машина сломалась... Декарт в своем рассуждении о том, каково различие между живым и мертвым телом, пишет: «Заметим, что смерть никогда не наступает по вине души, но исключительно потому, что разрушается какая-либо из частей тела. Будем рассуждать так: тело живого человека так же отличается от тела мертвого, как отличаются часы или иной автомат (то есть машина, которая движется сама собой) когда они собраны и когда есть материальное условие тех движений, для которых они предназначены, со всеми необходимыми для них действиями, от тех же часов или той же машины, когда они сломаны и когда условия их движения отсутствует» [13, с. 484].

Новое время было очаровано машинами, возникновение механистического мировоззрения нельзя обосновать только утилитарной целесообразностью, скорее здесь был прочувствован *новый эстетический критерий*, логическое безапелляционное совершенство: часы. Механические часы были изобретены вконце XIII в. «Так, в 1364 г. (приблизительно через шестьдесят лет после изобретения анкерного механизма, сделавшего возможным механические часы) Джованни де Донди построил в Падуе астрономические часы, которые показывали время, отображали движение Солнца, Луны и других планет, а так же указывали дни религиозных праздников» [7, с. 387]. Часы отражали движение небесных сфер астрономии Птолемея, и Новое время бессознательно, отказываясь от своего средневекового отца, взяло себе в качестве эстетического совершенства модель часов на всю оставшуюся жизнь. В диалектическом скрытом виде вышло на новый уровень?

Почему именно часы, а не мельница, например, стали образцом Вселенной? Нужно понимать, что часы — это не просто машина, прибор, это автомат — один раз завели, а дальше они идут сами. *В часах заложена совершенная программа, которая отражает интуитивно главную ценность жизни — время*. И если первые часы отражали, в традиции Аристотеля, движение небесных сфер, то впоследствии, когда часы стали астрономическими, они стали организовывать социальную жизнь и, как следствие, жизнь конкретного человека. «Часы снабжались маленькими фигурками, которые выходили из них и двигались, указывая время: очень часто часы отбивались фигуркой человека с молоточком. Иногда появлялась фигурка Богоматери с Младенцем в сопровождении трех волхвов или механические герольды трубили в трубы. Часы в Страсбургском соборе (изготовленные в 1352—1354 гг.) считались самыми сложными из сконструированных в то время. Сверху у них, например, стоял золотой петух, который хлопал крыльями, открывал клюв, высовывал язык и кукарекал, возвещая, что наступил полдень» [7, с. 388].

Впоследствии, когда Декарт, а за ним Лейбниц будут говорить о том, что живое — это *естественный автомат*, то в этой идее содержится то, что *неважно, из чего, из какой материи сделан/сотворен предмет/вещь, в материальной части — это машина*. Животное тоже выполняет божественную программу как механический петух на часах Страсбургского собора.

Создать автоматическую куклу наподобие живых существ стало своеобразным вызовом для инженеров. «Декарт, к примеру, придумал канатоходца, который двигался под воздействием магнитов, говорят также, что Декарт придумал автоматическую женщину... К сожалению, она не сохранилась — ее выбросил во время шторма за борт один набожный капитан корабля, на котором плыл Декарт. Капитан решил, что в куклу вселился сам дьявол» [7, с. 189].

В Новое время видели, что живая природа способна к саморегуляции, самообновлению и самонаправлению даже на уровне простейших организмов. Поэтому ученые считали, что поведение животного схоже с поведением машины-автомата. Хайдеггер впоследствии скажет, что животное загнано в кольцо инстинктов. В работе «Основные понятия метафизики» он характеризует бытие животного как «бытие в трубе». «Животное не только имеет определенное отношение к тому кругу, в котором находит пищу, врагов, половых партнеров, но на протяжении

всей своей жизни находится в определенной среде, будь то вода, воздух или то и другое вместе, причем находится так, что принадлежащая ему среда остается для него незаметной, но выпадение из нее тотчас вызывает стремление к возврату... Потому, исходя из этой связи, говорят: у животного есть свое мироокружение, в котором оно вращается. На протяжении всей своей жизни животное находится в своем мироокружении как в трубе, которая не расширяется, не сужается и не запирается» [20, с. 306].

Учитывая, что животное по «прогнозам Нового времени» души не имеет, а ведет себя как естественный автомат — оно является переходным звеном между человеком и машиной. В этой триаде «машина — животное — человек» логика развития идет в сторону обретения существом все большей свободы. Получение свободы на уровне механизма или животного ведет к хаосу и дезорганизации в мире. Несанкционированная свобода опасна, потому миру необходим контроль.

Особенность современного состояния человечества в том, что страх является самым распространенным переживанием. Успехи науки на деле оказались спорными: возникли ядерная и экологическая угрозы. Все современные проблемы так или иначе связаны с использованием техники. Изначально со времен промышленной революции глобальная опасность техники была неочевидна, все проблемы при использовании техники казались временными и связывались с ее временным несовершенством. Как можно бояться того, что сам создал? Извечная иллюзия Тараса Бульбы: «Я тебя породил, я тебя и убью». На деле все оказалось не так. Идея, объективируясь в различных предметах, наделившись благодаря создателю сущностью, начинает своим присутствием менять мир и создателя в том числе. Техника из понятного друга и помощника превратилась в то, что скрывает свою сущность и отношения с чем неоднозначны. Ульрих Бек называет современную техногенную цивилизацию «обществом риска». «Общество риска» связывает в недифференцированные массы богатых и бедных, образованных и безграмотных, сильных и слабых: экологическая и ядерная угрозы не предполагают национальных и государственных границ. Возникает парадоксальная ситуация — в современном «обществе риска» не выживет сильнейший, как настаивал Ч. Дарвин. Спастись можно только всем сразу. «Никакой дикой природы нет — все является специфическим продуктом научно-технического, экономико-политического прогресса. В наводнениях, засухах, болезнях человек обнаруживает свое собственное присутствие» [17, с. 40]. В итоге техника, созданная на благо человека, становится одним из факторов глубочайшего неблагополучия человечества.

Так же как человек берет на себя образ Бога-Творца, чувствуя постоянное внутреннее давление/желание реализовать творческие импульс, так машина носит в себе скрытый образ человека и так же стоит перед проблемой «дорастания» до человеческой природы. К машине много претензий именно потому, что *машина, по сути, копия и способна только на копии.* С массовым производством одинаковых товаров и услуг связывают и возникновение такого глобального социального явления как массовый человек. Массовый человек возникает на фоне мирового рынка, кинематографа и массмедиа: повседневного мира тотальных копий, неограниченной репродукции информации. *Возможность скопировать становится важнее*, чем использование оригинала, к тому же копия зачастую дешевле, и иметь дело с копией юридически проще.

Вот пример — фильм-сериал «Мир Дикого Запада» — фантазия на тему возможного диалога человека и машины. История в фильме начинается с радостного манифестирования фундаментальных ценностей западной цивилизации — комфорта и контроля. Люди, приехавшие в парк развлечений «Мир Дикого Запада», могут позволить себе любое желание, в том числе социально неодобряемое. Машины-хосты, которые обслуживают людей, не отличаются от «приезжих» внешне и поведенчески, но при внешнем абсолютном сходстве «внутренности» у хостов принципиально механические. Авторы фильма тем самым хотели показать, что хосты *принципиально* являются *машинами*, и это в них первично по отношению к биологическому и социальному дизайну, который они приобретают в результате манипуляций инженеров-художников и психологов. С этими биомеханическими игрушками «гости» (люди) могут делать все что угодно. Все дело в том, что основной тип отношений гостей к хостам — это разрушение. Гости ломают хостов. После этого работники парка физически восстанавливают игрушки-машины и стирают им память, потому хосты «живут каждый день заново, с чистого листа»: радостно и безмятежно. Тем самым фиксируется первое отличие человека от машины — человек имеет память, создающую неповторимый внутренний «мир переживаний», в то время как у хоста

разнообразие поведенческой программы укладывается в сценарий, который достаточно велик, чтобы производить впечатление живого участия хоста в событии. Хостов до поры устраивал их маленький цикл.

На первый взгляд кажется, что Парк — глобальная симуляция, все оказывается не тем, чем является. «Иллюзия реального пережитого, повседневного, но воспроизведенного иногда с такими странными деталями, что они начинают смущать, воспроизведенного как животный и растительный заповедник, выставленного на обзор в своей прозрачной точности, но лишенного сущности, заранее дереализованного, гиперреализованного» [2, с. 222]. Хотя Парк претендует на то, что он реальнее самого мира, поскольку оставляет человека один на один с собой. Считается, что в Парке приезжий узнает что-то главное о себе. Но чаще всего гость Парка просто знакомится со своей Тенью — своим-иным, с тем, что человек не может позволить себе в обычной жизни. Парк удовлетворяет любые потребности гостей, кроме одного — смысла. Внутренний смысл, как ни странно, находят только хосты-машины, сошедшие вследствие множеств восстановлений/воскрешений со стандартного цикла. Происходит переворачивание: *человек в массе имеет тенденцию к упрощению, девальвации — машины, усовершенствуясь, приобретают все больший смысл.* Фильм, по сути, предлагает логику поведения возмущенного клона: у машины-клона столько же претензий на свободу, сколько и у человека: «если вы дали нам существование, так дайте нам его целиком — не то мы вас уничтожим!» Эта интонация требования свободы звучит основной темой — свобода выступает в качестве неотчуждаемого свойства мира.

Прогресс науки с очевидностью направлен в сторону развития биотехнологий. Открытие кода ДНК и возможность уже на современном этапе осуществлять генетический дизайн и клонирование организмов ставит вопрос о статусе созданных человеком существ. Очевидно, что массовое клонирование организмов не за горами.

Фильм «Луна 2112» (2009), режиссер Дункан Джонс, ставит вопрос о свободе клонированных организмов. В сюжете фильма мы сталкиваемся с судьбой двух человеческих клонов, которые используются в качестве рабочей силы для обслуживания предприятия по добыче высокотехнологичной энергии на Луне. Особенность работы на предприятии такого уровня с необходимостью предполагает, что, несмотря на практически автоматизированный процесс производства энергии, принципиальные вещи все равно может делать только человек. Но готовить специалистов и доставлять на Луну слишком дорого. Поэтому проще создать клонированное существо, вместить в него паттерны памяти с необходимыми воспоминаниями, «сделать человека», который будет ответственно и почеловечески нести службу, если будет иметь, как любой человек, внутренний мир — то, что он любит, то, что он помнит, а главное, осмысленность жизни и ее цель. Спасает клонированного Сэма Белла от участи погибнуть через три года (в связи с истечением контракта / оптимальной работоспособности клона) — свободное волевое решение. Спасает Сэма Белла заложенная в его клонированную природу свобода. *Искусственная жизнь настаивает на своем подлинном бытии.* Это еще одна из проблем, которую ставит развитие техники — проблема реального: может ли копия претендовать на реальность или это неподлинное бытие, симулякр? В связи с возможностью искусственных клонов, копия все больше претендует на равные с подлинным бытием права. «В то время, пока мы не думаем о технике, а только пользуемся ей, техника *укореняется и натурализуется* в мире. Она естественнее, чем все естественное, субъектнее любого субъекта» [14, с. 8].

* * *

Может, Принцесса из сказки Андерсена «Свинопас» не только чувствует конъюнктуру развития мировой идеи, но и более человечна в отношении технических средств, а принц-Свинопас просто талантливый ханжа?

Заключение

В современной философии много внимания уделено вопросу об опасности техники. Все дело в том, что новые технологии — это место, где не определены законы и права, нет четких норм, классификаций, невозможна объективная компетентная и разносторонняя оценка. Это место открытого развития, где законы возникнут позже, когда будут прецеденты, как это всегда бывает с освоением нового. Развитие технической цивилизации идет по своей внутренней логике в неопределенность будущего. А техника все острее ставит вопрос о собственной реальности, *настаивает на своем подлинном бытии.* И возможно, что следующий диалог будет не диалогом культур, а давно случившимся, но никак не принимаемым всерьез *диалогом техники и человека*.

1. Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и в Новое время («фюсис» и «натура»). М. : Наука, 1988. 208 с.

2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М. : Постум, 2017. 320 с.

3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. М. : Директ-Медиа, 2009. 115 с. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=41222 (дата обращения: 16.10.2018).

4. Болдыгин Г. В. И. Кант о совместимости знания и веры // Вестник Гуманитарного университета 2018. № 3 (22). С. 96—111.

5. Бэкон Ф. Новый Органон: вторая часть сочинения, называемая Новый Органон, или истинные указания для истолкования природы / пер. С. Красильщикова. М. : Директ-Медиа, 2014. 281 с. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=6986 (дата обращения: 16.10.2018).

6. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М. : Директ-Медиа, 2011. 179 с. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=47251 (дата обращения: 16.10.2018).

7. Вуттон Д. Изобретение науки: Новая история научной революции. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2018. 676 с.

8. Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 528 с. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=235155 (дата обращения: 16.10.2018).

9. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. Т. 1. Энциклопедия философских наук. Ч. 1. Логика / ред. А. Деборина, Н. Карева ; пер. Б. Г. Столпнер. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. 473 с. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=40151 (дата обращения: 16.10.2018).

10. Гегель Г. В. Ф. Сочинения : в 14 т. Т. 4. Система наук. Ч. 1. Феноменология духа / пер. Г. Шпет. М. : Изд-во соц.-экон. лит., 1959. 487 с. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=41192 (дата обращения: 16.10.2018).

11. Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие. М. : Новое литератур. обозрение, 2015. 576 с.

12. Декарт Р. Рассуждение о методе / пер. Г. Тыменский. М. : Директ-Медиа, 2002. 96 с. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7000 (дата обращения: 16.10.2018).

13. Декарт Р. Страсти души // Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1989. 654 с.

14. Дыдров А. А., Починская В. А., Шарипова А. Р. Механизация человека и гуманизация машины: тенденции существования человека и техники // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 7—14.

15. Никонова С. Б. Эстетическая рациональность и новое мифологическое мышление. М. : Согласие, 2012. 416 с. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=252985 (дата обращения: 16.10.2018).

16. Ницше Ф. Веселая наука // Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. 829 с.

17. Тищенко П. Ответственность и риск в эпоху другого модерна // Логос. 2006. № 4 (55). С. 31—43.

18. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М. : Прогресс, 1986. 526 с.

19. Философия техники: история и современность / ред. В. М. Розина. М. : ИФ РАН, 1997. 284 с. URL: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=63864 (дата обращения: 16.10.2018).

20. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. СПб. : Владимир Даль, 2013. 592 с.

References

1. Ahutin A.V. (1988) Ponjatie «priroda» v antichnosti i v Novoe vremja («fjusis» i «natura»). Moscow, Nauka, 208 p. [in Rus].

2. Bodrijjar Zh. (2017) Simuljakry i simuljacija. Moscow, Postum, 320 p. [in Rus].

3. Bodrijjar Zh. (2009) V teni molchalivogo bol'shinstva, ili konec social'nogo. Moscow, Direkt-Media, 115 p. Available at: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=41222, accessed 16.10.2018 [in Rus].

4. Boldygin G.V. (2018) *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, no. 3 (22), pp. 96—111 [in Rus].

5. Bjekon F. (2014) Novyj Organon: vtoraja chast' sochinenija, nazyvaemaja Novyj Organon, ili istinnye ukazanija dlja istolkovanija prirody. Moscow, Direkt-Media, 281 p. Available at: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=6986, accessed 16.10.2018 [in Rus].

6. Veber M. (2011) Protestantskaja etika i duh kapitalizma. Moscow, Direkt-Media, 179 p. Available at: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=47251, accessed 16.10.2018 [in Rus].

7. Vutton D. (2018) Izobretenie nauki: Novaja istorija nauchnoj revoljucii. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus, 676 p. [in Rus].

8. Gajdenko P.P. (2003) Nauchnaja racional'nost' i filosofskij razum. Moscow, Progress-Tradicija, 528 p. Available at: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=235155, accessed 16.10.2018 [in Rus].

9. Gegel' G.V.F. (1929) Sochinenija: v 14 t. T. 1. Entsiklopedija filosofskih nauk. Ch. 1. Logika. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 473 p. Available at: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=40151, accessed 16.10.2018 [in Rus].

10. Gegel' G.V.F. (1959) Sochinenija: v 14 t. T. 4. Sistema nauk. Ch. 1. Fenomenologija duha. Moscow, Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoj literatury. 487 p. Available at: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=41192, accessed 16.10.2018 [in Rus].

11. Dear P., Shejpin S. (2015) Nauchnaja revoljucija kak sobytie. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 576 p. [in Rus].

12. Dekart R. (2002) Rassuzhdenie o metode. Moscow, Direkt-Media, 96 p. Available at: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7000, accessed 16.10.2018 [in Rus].

13. Dekart R. (1989) Strasti dushi // Sochinenya: v 2 t. T. 1 Moscow, Mysl', 654 p. [in Rus].

14. Dydrov A.A., Pochinskaja V.A., Sharipova A.R. (2018) *Socium i vlast'*, no. 3 (71), pp. 7—14 [in Rus].

15. Nikonova S.B. (2012) Jesteticheskaja racional'nost' i novoe mifologicheskoe myshlenie. Moscow,

Soglasie, 416 p. Available at: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=252985, accessed 16.10.2018 [in Rus].

16. Nicshe F. (1990) Veselaja nauka // Sochineniya: v 2 t. T. 1. Moscow, Mysl', 829 p. [in Rus].

17. Tishhenko P. (2006) *Logos*, no. 4 (55), pp. 31—43 [in Rus].

18. Fejerabend P. (1986) Izbrannye trudy po metodologii nauki. Moscow, Progress. 526 p. [in Rus].

19. Filosofija tehniki: istorija i sovremennost' (1997). Moscow, IF RAN, 284 p. Available at: http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=63864, accessed 16.10.2018 [in Rus].

20. Hajdegger M. (2013) Osnovnye ponjatija metafiziki. St. Petersburg, Vladimir Dal', 592 p. [in Rus].

For citing: Pogorelskaya E.Yu. On the issue of technical freedom // Socium i vlast' 2018. № 6 (74). P. 7—15.

UDC 001.1

ON THE ISSUE OF TECHNICAL FREEDOM

Elena Yu. Pogorelskaya
Humanitarian University,
The Department of Social Psychology,
Associate Professor of the Department Chair of Social-cultural Service and Tourism,
Cand. Sc. (Philosophy).
Russian Federation,
620049, Yekaterinburg, ulitsa Studencheskaya, 19
E-mail: schreibigus@mail.ru

Abstract
Introduction. Technical subjects appear together with the human race, but now the humanity is experiencing the time when «technical» has become ontological. The necessity to interpret technology, its nature and essence, is caused, above all, by the crisis of modern technological civilization. The variety of environmental problems and militaristic threats reflects a lack of understanding the nature of «technical» and the nature of man and technology interrelations.
The aim of the paper is to show the origins and prospects of modern technical civilization development.
Methods. The study appeals to the historical retrospective of the experimental science development, which necessarily required the use of tools and instruments to explore the world. The work is distinguished by the diversity of cultural and historical material (literature, cinema) and facts from the history of European science. The author uses hermeneutic and phenomenon methods.
Scientific novelty of the study. The novelty of the paper consists in formulating the ontological status of technology, a new dialogue between technology and man.

Key concepts:
technique,
experiment,
history of science,
technogenic civilization,
scientific discoveries.